

О грамматической оппозиции глаголов движения типа *идти* / *ходить* в русском языке

© 2019

Наталья Валерьевна Берницкая

Университет Сорбонна, Париж, Франция; natalia.bernitskaia@sorbonne-universite.fr

Аннотация: В статье пересматриваются различные точки зрения на грамматическую оппозицию глаголов движения типа *идти* / *ходить* в русском языке и предлагается обновленный взгляд на этот вопрос: данная оппозиция рассматривается как специфическое грамматическое средство выражения категории определенности / неопределенности. Глаголы типа *идти* обозначают определенное, конкретное действие, а глаголы типа *ходить* выражают неопределенное, обобщенное действие. В качестве основных параметров, лежащих в основе глагольной определенности / неопределенности, признается отношение предикатов к пространству и времени.

Ключевые слова: актуализация, временная локализованность, глаголы движения, направленность, неопределенность, определенность, русский язык

Для цитирования: Берницкая Н. В. О грамматической оппозиции глаголов движения типа *идти* / *ходить* в русском языке // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 75–92. DOI: 10.31857/S0373658X0003596-4.

Благодарности: Автор выражает благодарность анонимным рецензентам, сделавшим целый ряд ценных замечаний.

The grammatical opposition ‘determinate / indeterminate’ in Russian verbs of motion (*idti* / *xodit*’ type)

Natalia V. Bernitskaia

Sorbonne, Paris, France; natalia.bernitskaia@sorbonne-universite.fr

Abstract: The article revises different points of view and suggests a renewed view of the grammatical opposition of verbs of motion like *idti* / *xodit* ‘go, walk’ in the Russian language. It is suggested to consider the given opposition as a specific grammar means of expressing the category of determinacy / indeterminacy. Verbs like *idti* denote a definite, concrete action whereas verbs like *xodit* denote an uncertain, generalized action. As the essential underlying parameters for the determinacy, the attitude of predicates to space and time is recognized.

Keywords: actualization, determinacy, direction, indeterminacy, Russian, temporal localization, verbs of motion

For citation: Bernitskaia N. V. The grammatical opposition ‘determinate / indeterminate’ in Russian verbs of motion (*idti* / *xodit*’ type). *Voprosy Jazykoznanija*. 2019. No. 1. Pp. 75–92. DOI: 10.31857/S0373658X0003596-4.

Acknowledgements: The author is grateful to anonymous reviewers for their valuable comments.

1. Проблематика

Как известно, в русском языке существует особая категория глаголов движения, внутри которой противопоставляются глаголы несовершенного вида типа *идти* / *ходить* (*нести* /

носить и т. д.¹). Вопрос о том, по какому критерию (или по каким критериям) глаголы серии *идти* противопоставляются глаголам серии *ходить*, является фундаментальным для понимания данной категории. Ответить на этот вопрос с теоретической точки зрения — значит понять грамматическую природу данной оппозиции, то есть определить, является ли она лексической, видовой или какой-то иной; а с практической точки зрения это значит суметь объяснить выбор нужной формы и конкуренцию между глаголами типа *идти* и глаголами типа *ходить*, возникающую в некоторых контекстах.

Грамматисты уже давно ведут споры о том, какие признаки лежат в основе противопоставления глаголов типа *идти* / *ходить*. Оживленная дискуссия об этом вопросе остановилась примерно в 1970–80 гг. В настоящее время лингвисты больше интересуются проблемами семантики, префиксации и типологии [Рахилина 2000/2010; Майсак 2005; Майсак, Рахилина 2007; Israeli 2002; Gardelli 2007; NATSVOM 2010; Beliaikov 2012; Biktchourina-Rochut 2017; Zaliznyak 2017], а вопрос о противопоставлении глаголов типа *идти* / *ходить* остается несколько в стороне.

В конце 1950-х гг. А. В. Исаченко [1960/2003] предпринимает системный анализ русских и словацких глаголов движения и выдвигает критерий направленности как единственный значимый критерий оппозиции глаголов типа *идти* / *ходить*. Концепция Исаченко получила большой отклик благодаря своей последовательности и функциональности, а также потому, что это была первая серьезная попытка детального анализа оппозиции *идти* / *ходить*. До Исаченко исследования глаголов движения были фрагментарными. Исключением можно назвать работу Карцевского [Karcevski 1927/2004], которая, как нам кажется, не была оценена по достоинству. Карцевский предложил два критерия: направленность и временную актуализацию. Вслед за работой Исаченко появилось несколько исследований, так или иначе критикующих его точку зрения, но в большей или меньшей степени опирающихся на критерий направленности [Forsyth 1963; 1970; Garde 1965; Foote 1967; Veyrenc 1980], а также работы, авторы которых не исходят из концепции Исаченко, а связывают оппозицию *идти* / *ходить* с понятиями определенности / неопределенности, актуализации, локализованности во времени [Fontaine 1973; 1983; Бондарко 1987; 2002; Черткова 1996; Булыгина, Шмелев 1997]. Однако среди лингвистов, работающих в данном направлении, только Жаклин Фонтен представила системную разработку критериев оппозиции глаголов типа *идти* / *ходить*, защищая критерий актуализации; в работах же Бондарко, Булыгиной, Чертковой проблема оппозиции глаголов движения затрагивается лишь эпизодически на фоне общих проблем грамматической семантики и референции.

Таким образом, на сегодняшний день не существует критерия, который принимался бы всеми безоговорочно. Пожалуй, самым используемым критерием остается критерий направленности движения в пространстве, предложенный А. В. Исаченко: глаголы серии *идти* обозначают однонаправленное движение, а глаголы серии *ходить* не сигнализируют направленности, выражая в разных контекстах то направленное, то ненаправленное движение [Исаченко 1960/2003: 311–312]. Однако критерия направленности недостаточно, чтобы объяснить функционирование и конкуренцию форм глаголов движения во всех контекстах, например, в многочисленных высказываниях, в которых при глаголе движения нет дополнения, отвечающего на вопрос *куда?* (далее — дополнение цели), ср.²:

- (1) *Навстречу попались два парня, под хмельком, с кобелем — азиатской овчаркой. Азиат, как известно, если это правильный азиат, на человека не бросится, он даже и внимания не обращает на того, кто ведет собаку — ему саму собаку подавай на клык* [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994–1995)].

¹ Самый актуальный, на наш взгляд, список глаголов движения, включающий 18 глагольных пар, представлен в книге Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [2000: 87].

² Примеры, если они не сопровождаются особым указанием, взяты из [НКРЯ]. Дата обращения: апрель 2018 г.

- (2) — *Мишель, а кто тут у вас во дворе на длинной возжке крошечную собачку водит?* [Михаил Петров. Слово о лешем // «Сибирские огни», 2012].
- (3) — *Знаешь ли ты, Епишкин, почему мужчина должен идти с левой стороны от женщины? — спрашивает Дарья. — А я с какой иду? — изумляется Епишкин* [Наталья Ермильченко. Леди и джентельмены // «Мурзилка», 2002].
- (4) *Когда вышли на улицу с покупкой, Гриша пробормотал с хохотом: — Черт возьми, потрясающая известность! Даже как-то неловко ходить с вами рядом, мадам... Да, да, неловко. Ляля чувствовала, как он съежился, когда ее известность тыкала его в бок, в спину* [Ю. В. Трифонов. Долгое прощание (1971)].

Критерий направленности также проблематичен в высказываниях, где глаголы типа *идти* выражают повторяющееся действие, вступая в конкуренцию с глаголами серии *ходить*:

- (5) *Сегодня суббота. В этот день он обычно ездит в Эйр, к своему «дорогому патрону» — мистеру Эйкену. Но он виделся с ним вчера утром, когда от него уехал отец Джин* [Р. Я. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (1959)].
- (6) *Обычно хожу к Рае в 9 ч., сегодня пойду к 5.30* [Г. С. Эфрон. Дневники. Т. 2 (1941–1943)].
- (7) *У меня сорокалетний педагогический стаж, звание заслуженного учителя... Утром обычно иду в школу в тот час, когда все спешат на работу. Утро для меня — своего рода путешествие в прошлое: почти через каждые десять шагов встречается мой бывший ученик, здороваются со мной* [В. Тендряков. Чрезвычайное; пример из: <https://libking.ru/books>].

И наконец, критерий направленности не позволяет ответить на вопрос, почему в следующих примерах, придуманных нами, пример (8) допускает только одну интерпретацию: ‘нас ограбили по дороге в магазин’; а пример (8’) допускает две интерпретации: 1) ‘нас ограбили по дороге в магазин’; 2) ‘наш дом, нашу квартиру ограбили, когда нас не было, когда мы ходили в магазин’?

- (8) *Когда мы шли в магазин, нас ограбили.*
- (8') *Когда мы ходили в магазин, нас ограбили.*

В настоящей работе мы хотели бы возобновить дискуссию о критериях противопоставления глаголов движения, направив ее в русло грамматической семантики и референции; именно этот путь кажется нам верным и плодотворным. В первой части нашей статьи мы предпринимаем критический анализ уже существующих концепций, связывающих оппозицию глаголов движения с пространственной и/или временной локализованностью, а во второй части нашей статьи мы излагаем свою позицию по отношению к механизмам функционирования оппозиции глаголов типа *идти* / *ходить*.

2. Глаголы движения в пространстве и времени: из истории вопроса

Глаголы типа *идти* / *ходить* получали в разных работах разные наименования, часто условные и противоречивые. Самыми распространенными и самыми обоснованными являются следующие термины: «определенные / неопределенные глаголы», «моторно-некратные / моторно-кратные глаголы», «однонаправленные / ненаправленные глаголы»³. Эти

³ Этот список, данный Ю. С. Масловым [2004] в 1965 г., не изменился и в наше время.

термины в той или иной степени отражают отношение исследователей к грамматической природе глаголов движения.

Термин «моторно-некратные / моторно-кратные» глаголы, введенный А. А. Шахматовым [1925/2001], отсылает глаголы движения к их морфологии, а именно к итеративному суффиксу глаголов серии *ходить*. Глаголы движения рассматриваются Шахматовым как подвид несовершенного вида.

Термин «однаправленные / ненаправленные» глаголы связывается прежде всего с точкой зрения Исаченко, для которого глаголы движения представляют собой особую лексическую категорию, которую он называет **характер глагольного действия**. Эта категория, отличная от вида и от способа действия, обозначает «самые общие семантические свойства простых (бесприставочно-бессуффиксных) глаголов» [Исаченко 1960/2003: 301].

И, наконец, самый старый из предложенных терминов, «определенные / неопределенные» глаголы, восходящий к грамматикам XIX в., в частности к грамматике Н. И. Греча, соотносит глаголы типа *идти* / *ходить* с категорией **определенности / неопределенности** в праиндоевропейском языке, из которой оформилась категория вида в славянских языках [Бородич 1953; 1954; Маслов 1959/2004; Черткова 1996: 84–90; Meillet 1902; van Wijk 1929; Regn  l 1944; Garde 1965]. Мы считаем этот термин самым оправданным, поэтому в нашей работе мы также будем называть глаголы типа *идти* определенными, а глаголы типа *ходить* неопределенными.

Как правило, в рассматриваемой оппозиции определенным глаголам отводится положительный признак, а неопределенным глаголам — отсутствие этого признака или, перефразируя Александра Васильевича Исаченко, «несигнализирование» этого признака [Исаченко 1960/2003: 311]. Из всех предложенных ранее критериев самыми релевантными мы считаем критерии, которые соотносят глаголы движения с пространством и временем. Пространственный критерий — это, как мы уже упомянули выше, направленность, а временной критерий получал в различных работах разные наименования: временная актуализация (*actualisation temporelle*) у Карцевского [Karcevski 1927/2004], актуализация (*actuality; actualisation*) у Фута и Фонтен [Foote 1967; Fontaine 1973; 1983], определенный момент времени (*specific moment of time*) у Форсайта [Forsyth 1963; 1970], временная локализованность у Бондарко⁴, Козинцевой, Булыгиной [Бондарко 1987; 2002; Козинцева 1991; Булыгина, Шмелев 1997]. Причем одни ученые считали, что в основе оппозиции глаголов движения лежит только пространственный признак (Исаченко), другие думали, что этот единственный признак — временной (Фонтен), а третьи зачисляли оба этих признака сразу (Карцевский, Форсайт, Фут). Понятия направленности и временной локализованности истолковывались разными учеными по-разному. Одной из задач настоящей статьи является уточнение понятий, кроющихся за всеми этими терминами, и обоснование выбора нашей собственной терминологии.

2.1. Концепция А. В. Исаченко: направленность

В своем фундаментальном системном описании глаголов движения Исаченко [1960/2003: 309–344] предлагает свести все предложенные ранее критерии оппозиции глаголов типа *идти* и *ходить* к одному единственному критерию — направленности движения в пространстве. Согласно точке зрения Исаченко, глаголы типа *идти* являются **однаправленными**, так как они всегда обозначают передвижение в одном направлении, а глаголы типа *ходить* ученый называет **ненаправленными**, указывая на то, что они «не сигнализируют

⁴ Термин «временная локализованность» является переводом немецкого и польского терминов *Zeitstellenwert*, *warto  c miejscowa w czasie*, предложенных Э. Кошмидером; перевод на русский язык был сделан А. В. Бондарко в [ВГВ 1962: 105–167].

однонаправленность движения» и могут обозначать как движение в одном направлении (*Он ходит в школу через парк*), так и движение в разных направлениях (*Он ходит по лесу*) [Там же: 311–312]. Далее Исаченко пишет: «В широкие рамки отрицательно охарактеризованных ненаправленных глаголов легко укладываются все частные и добавочные значения, выражаемые глаголами серии *ходить*»; исследователь выделяет шесть частных значений, среди которых, например, «значение движения, совершаемого в двух направлениях: *Он ходил в город и принес газету*» [Там же: 312].

Исаченко безусловно прав, выделяя направленность как значимый критерий оппозиции глаголов типа *идти* / *ходить*, однако его определение направленности довольно проблематично и требует уточнений. Из этого определения следует, например, что в предложении *Он ходит в школу через парк* глагол характеризуется как однонаправленный, а в предложении *Он ходил в город и принес газету* — как двунаправленный. Таким образом, непонятно, как двунаправленность соотносится с направленностью: является ли двунаправленность частным случаем однонаправленности или же это частный случай разнонаправленности? И как объяснить разницу в функционировании между однонаправленными глаголами серии *идти* и однонаправленными глаголами серии *ходить*?

На наш взгляд, картина станет яснее, если мы разграничим понятия направленности и целенаправленности⁵.

Направленность — это семантически присущее определенным глаголам свойство выражать прогрессивное движение вперед, продвижение; таким образом, направленность определенных глаголов — это всегда **однонаправленность**. **Целенаправленность** же подразумевает цель, пункт назначения и выражается дополнением цели.

Дополнение цели семантически накладывается на значение однонаправленности определенных глаголов, не изменяя их сути. Определенные глаголы выражают однонаправленность независимо от того, сопровождаются ли они дополнением цели или нет; таким образом, однонаправленное движение может быть нецеленаправленным или целенаправленным, ср.:

- (9) *Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака* [А. П. Чехов. Хамелеон (1884–1885)].
- (10) *Рысь ползет к куропаткам. Они клюют, кормятся, ничего не замечают* [Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока (1946)].

Если целенаправленность никак не влияет на направленность определенных глаголов, то для неопределенных глаголов она, напротив, очень важна. Неопределенные глаголы, сопровождаемые дополнением цели, становятся направленными, но эта направленность другого рода, чем однонаправленность определенных глаголов. Целенаправленные неопределенные глаголы могут быть **двунаправленными** или **разнонаправленными**; в последнем случае глагол сопровождается не только дополнением цели, но и дополнением, указывающим на начальный пункт движения. **Двунаправленность** подразумевает, что субъект достигает пункт назначения, обозначенный дополнением типа *куда*, а затем перемещается в другом направлении (которое не обязательно нацелено на исходную точку движения):

- (11) *Вчера мы ездили на озеро Кинерет. Искупались там, где в него впадает Иордан* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].
- (12) *В апреле-мае 2000 года Саша Бурыйгин ездил со мною в Барнаул, а оттуда в Горный Алтай, в Усть-Коксинский район* [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)].

Разнонаправленность подразумевает многократное движение от одной точки к другой:

⁵ Предостережение от смешения значений направленности (direction) и целенаправленности (destination, purpose) находим также у Форсайта [Forsyth 1970: 319].

- (13) *О. Варсонофий ездил из одного города в другой и просил о пожертвованиях* [митрополит Евлогий (Георгиевский), Т. Манухина (литературная запись). Путь моей жизни (1935–1940)].

Проблема смешения понятий направленности и целенаправленности снова становится явной, когда Исаченко анализирует глаголы *брести* / *бродить*. По мнению ученого, глаголы *брести* / *бродить* не выражают больше парной соотнесенности «однонаправленность / ненаправленность». Эти глаголы отделились друг от друга семантически. Глагол *брести* означает ‘идти с трудом, волоча ноги; идти тихо’, а глагол *бродить* «не содержит в своей семантике указания на “затрудненность” ходьбы; глагол *бродить* обозначает ‘скитаться, ходить без цели’. Глагол *брести* может употребляться с дополнением цели, глагол *бродить* — нет: *Крестьянин брел домой проселочным путем* / **Крестьянин бродил домой проселочным путем*» [Исаченко 1960/2003: 313].

Грамматическая разница в глагольном управлении *брести* / *бродить* очевидна: *бродить* не может обозначать целенаправленного движения; однако данная глагольная пара продолжает соотноситься по признаку направленности / ненаправленности в предложениях без дополнения цели, где эти глаголы не различаются семантически:

- (14) *Он брел по улицам города, мучаясь с похмелья, и почему-то оказался около ликероводочного завода* [Сергей Романов. Парламент (2000)].
- (15) *Румата бесцельно брел по бесконечным коридорам и переходам дворца, темным, сырým, провонявшим аммиаком и гнилью, мимо роскошных, убранных коврами комнат, мимо запыленных кабинетов* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом (1963)].
- (16) *Покачиваясь, он бродил по поляне и пьяно бормотал* [Виталий Губарев. Трое на острове (1950–1960)].

В этих примерах оба глагола имеют значение ‘скитаться, бродить без цели’ и в обоих этих глаголах есть также сема ‘передвигаться медленно, с трудом’. Поэтому можно говорить только о частичной, но не о полной потере семантической соотнесенности глаголов *брести* / *бродить*, и, таким образом, нет достаточных оснований для удаления этих глаголов из грамматической системы глаголов движения⁶.

Но даже если мы уточним понятия направленности и целенаправленности в теории Исаченко, этого будет недостаточно, чтобы объяснить все случаи употребления определенных и неопределенных глаголов, на что мы указали в начале нашей статьи.

Далеко не все лингвисты были удовлетворены критерием, предложенным Исаченко, среди них французские ученые Жаклин Фонтен и Жак Веренк. Веренк предлагает следующее решение: глаголы типа *идти* обозначают реальное передвижение (*mouvement de déplacement*), а глаголы типа *ходить* — движение, связанное с функцией субъекта (*mouvement de fonction*). Все частные значения глаголов движения можно, согласно Веренку, объяснить с помощью этого критерия [Veuyens 1980: 189]. Однако здесь сразу же возникает проблема, ведь неопределенные глаголы далеко не всегда обозначают движение, связанное с функцией субъекта; предложения *Он ходит в школу* или *Он ходил в школу* не истолковываются во всех контекстах, как *Он школьник* или *Он был школьником*. Что касается грамматической природы оппозиции глаголов движения, Веренк, вслед за Исаченко, считает, что данная категория должна рассматриваться отдельно от вида и от способа действия, но не развивает свою мысль [Ibid.: 192].

⁶ Многие лингвисты не последовали за Исаченко, продолжая включать глаголы *брести* / *бродить* в список глаголов движения. См., например, [РГ 1980: 591; Зализняк, Шмелев 2000: 87; Зализняк Анна А. и др. 2015: 99; Foote 1967: 4].

2.2. Концепция Жаклин Фонтен: актуализация

Жаклин Фонтен предложила в качестве основного критерия **актуализацию** (actualisation) действия. Оппозиция определенных / неопределенных глаголов является для Фонтен грамматической, входящей в более широкую категорию **актуальности / виртуальности**, которая в других языках проявляется, например, через артикль [Fontaine 1973: 149]. Определенные глаголы обозначают актуализированное действие, а неопределенные глаголы указывают на неактуализированное действие [Fontaine 1983: 108]. Актуализация действия в высказывании реализуется благодаря временным параметрам. В частности, действие, обозначаемое определенным глаголом, предстает как развертывающееся на глазах наблюдателя, или, в сложноподчиненных предложениях, как действие, фиксируемое по отношению к моменту *hic* и *nunc* действия главного предложения или к моменту данной конкретной ситуации:

- (17) — *Куда лезет мальчишка?* — спросил Басаргин. Мальчишка забрался на тополь уже выше окна, выше третьего этажа [В. Конецкий. Кто смотрит на облака (1967), пример из [Fontaine 1983: 76]].
- (18) *Пока мы едем в Нагорье, я вспоминаю, как однажды Люда сообщила мне вдруг, что была у родителей отца своей дочери* [Е. Дорош. Иван Федосеевич уходит на пенсию (1961), пример из [Fontaine 1983: 79]].
- (19) *Не выпуская Володиной рубашки, он стал подталкивать его к берегу. Плыть было тяжело. Почувствовав дно под ногами, Яшка вылез сам и вытащил Володю* [Ю. Казаков. Тихое утро (1954), пример из [Fontaine 1983: 89]].

Забегая вперед, скажем, что мы во многом разделяем точку зрения Жаклин Фонтен и ее позиция кажется нам очень верной (заметим здесь также, что понятие актуализации в концепции Фонтен близко к понятию временной локализованности, используемому в работах Бондарко и Булыгиной), однако ее концепция актуализации была еще очень интуитивной, не имеющей точного терминологического аппарата. Актуализация, базирующаяся только на критерии совпадения момента действия и момента наблюдения, не объясняет все случаи употребления глаголов движения, ведь неопределенные глаголы также могут быть актуализированными:

- (20) *Изба была вдавлена в землю, и между окон, что выходили на улицу, белели вкопанные в землю подпорки. По ним ползали божьи коровки и черные тараканы* [Р. Солнцев. По ту и по эту стороны, пример из [Fontaine 1983: 104]].
- (21) *Сидела в пустой квартире, смотрела, как Сережа ползает по полу, слушала мамину кассету с Эдит Пиаф* [Андрей Геласимов. Жанна (2001)].

В своей работе 1983 г. Жаклин Фонтен упоминает диссертацию Карцевского «Система русского глагола» [Karcevski 1927/2004] и работу Фута [Foote 1967]. Оба этих ученых — в хронологическом порядке, сначала Карцевский, а затем Фут (в работе последнего нет ссылок на Карцевского, но есть ссылки на Форсайта; Форсайт же указывает книгу Карцевского в своей библиографии) — полагают, что в основе оппозиции глаголов типа *идти / ходить* лежат два критерия: направленность и временная актуализация [Karcevski 1927/2004: 98; Foote 1967]. Фонтен, ссылаясь на работы Карцевского и Фута, не считает нужным упомянуть о позиции этих ученых по отношению к критериям, лежащим в основе противопоставления глаголов движения.

Исаченко же прямо говорит о двух критериях Карцевского, но оставляет лишь направленность, которая кажется ему вполне достаточной [Исаченко 1960/2003: 311]. Несколько

парадоксальным образом из двух критериев, предложенных Карцевским, Исаченко оставляет направленность, а Жаклин Фонтен — (временную) актуализацию.

2.3. Концепции, защищающие пространственно-временной критерий

С нашей точки зрения, работа Карцевского заслуживает особого внимания. Описывая глаголы движения, Карцевский [Karcevski 1927/2004: 98] указывает на две обязательные характеристики определенных глаголов: **однаправленность** (*une action concrète effectuée dans une seule direction*) и **временную актуализацию** (*actualisation temporelle*). Но все-таки стоит отметить некоторую непоследовательность Карцевского, который несколькими страницами ранее подчеркивает, что разница между глаголами типа *идти* и *ходить* зиждется главным образом на признаке направленности в пространстве, временная же актуализация здесь совсем не упоминается: определенные глаголы позитивны по отношению к признаку направленности, они всегда указывают на движение в одном направлении, а неопределенные глаголы не содержат никакой информации о направлении [Ibid.: 29]⁷. Что касается временной актуализации, то в своей работе Карцевский не дает детального объяснения этого понятия; из его изложения можно понять, что под временной актуализацией он понимает совпадение момента наблюдения и момента действия. Оппозиция неопределенных / определенных глаголов представляется исследователю как семантическая, передающая отношение общего (коллективного) и частного (индивидуального) (*espèce / individu*) [Ibid.: 29]⁸. Как пишет Карцевский, глагол *летать* указывает на общее свойство вида или рода, а глагол *лететь* обозначает индивидуальное воплощение этого свойства. Неопределенные глаголы обозначают разные возможности передвижения или способность к передвижению, тогда как определенные глаголы обозначают конкретную реализацию этих возможностей. Карцевский проводит параллель между оппозицией глаголов движения и оппозицией таких существительных, как *рыба / рыба*, *солома / соломинка* [Ibid.: 29].

Интересные и ценные размышления Карцевского о глаголах движения были в то же время очень сжатыми: его описание оппозиции бесприставочных глаголов движения занимает всего полторы страницы [Ibid.: 98–99], к этому можно добавить одну страницу размышлений о значении целого и частного, выражаемого в глаголах движения [Ibid.: 29–30]. Таким образом, изложение Карцевского оставляет множество вопросов в подвешенном состоянии. В частности, не ясно, что именно ученый подразумевает под «разными возможностями передвижения» неопределенных глаголов; трудно также согласиться с имплицитным утверждением того, что неопределенные глаголы никогда не обозначают конкретную реализацию возможностей передвижения (ср.: *Вчера он ездил на дачу; На прошлой неделе директор летал в Париж*). Карцевский не дает четкого определения понятию направленного и ненаправленного движения и не объясняет с достаточной ясностью, в чем же разница между определенными и неопределенными глаголами, сопровождаемыми дополнением цели. Он лишь говорит, что неопределенные глаголы никогда не выражают с точностью направления («*Les indéterminés (...) ne permettent jamais de préciser suffisamment la direction du mouvement*») [Ibid.: 98], что тоже довольно спорно.

Идея о двух критериях, направленности и временной актуализации, получила развитие в работах англосаксонских лингвистов [Forsyth 1963; 1970; Foote 1967]. Согласно Форсайту, определенные глаголы обозначают однаправленное линейное прогрессивное движение в определенный момент времени, а неопределенные глаголы никогда не обозначают

⁷ «Ce sont là les seuls verbes dont la valeur sémantique implique une détermination, positive ou négative, vis-à-vis de la notion d'espace: *лететь* implique l'idée d'une direction, *летать* implique par contre le zéro de direction» [Karcevski 1927/2004: 29].

⁸ Ср. категорию актуальности / виртуальности у Жаклин Фонтен.

прогрессивного движения по одной линии в определенный момент времени [Forsyth 1970]⁹. Под определенным моментом времени он понимает совпадение момента действия и момента наблюдения, т. е. актуально-длительное значение¹⁰. Таким образом, его точка зрения на временной критерий уже, чем точка зрения Фонтен [Ibid. 1970: 319].

Фут учитывает направленность и актуализацию. Направленность определенных глаголов он, как и Форсайт, понимает как прогрессивное движение по одной линии, а актуализация проявляется в том, что действие рассматривается как прогрессивное (т. е. актуально-длительное) или в том, что действие рассматривается как актуальное. Фут приводит примеры, в которых действие рассматривается как актуальное, но не дает четких критериев актуальности [Foote 1967]. Глаголы движения являются для Форсайта и Фута специфической видовой оппозицией.

Бондарко и Булыгина [Бондарко 1987; 2002; Булыгина, Шмелев 1997] связывают оппозицию глаголов движения с понятием **временной локализованности**. Однако эти ученые не занимались специально глаголами движения, а рассматривали их лишь спорадически, наряду с другими средствами выражения категории локализованности / нелокализованности во времени. Бондарко кратко замечает, что определенные глаголы имеют тенденцию выражать локализованные, а неопределенные глаголы — нелокализованные во времени действия [Бондарко 1987: 230; 2002: 472]. «Под локализованными во времени явлениями понимаются конкретные, реально происшедшие (или происходящие) в некоторый момент или период времени события или процессы, а также ситуации, относящиеся к конкретному временному отрезку» [Булыгина, Шмелев 1997: 132]. Данное определение эксплицитно предполагает пространственную локализованность, ведь «конкретное» событие всегда привязывается не только к *point*, но и к *hic*. А что касается глаголов движения, то их отношение к пространству не может не учитываться даже просто потому, что пространственный фактор неотделим от их семантики.

Пространственная и временная локализованность являются одним из важнейших элементов, соотносящихся с категорией определенности / неопределенности. Именно к этой категории мы относим одноименную оппозицию определенных / неопределенных глаголов.

3. Механизмы функционирования определенных и неопределенных глаголов

Наименования **определенные / неопределенные глаголы** далеко не случайны. Мы защищаем точку зрения, согласно которой глаголы движения являются специфическим грамматическим средством выражения категории определенности / неопределенности. Обычно эту категорию связывают с именем, и основным грамматическим средством ее выражения признается артикль. В безартиклевых языках, как, например, в русском, категория определенности / неопределенности считается скрытой, т. е. не имеющей специального грамматического выражения; она реализуется с помощью порядка слов (*Залаяла собака / Собака залаяла*), указательными и неопределенными местоимениями (*Эта собака / Какая-то собака*), частицами и т. д. [ЛЭС 1990: 349]. Однако, как показывает история генезиса славянского вида, а также многие современные исследования вида, определенность / неопределенность имеет прямое отношение к глаголу.

Определенность указывает на детерминацию, идентификацию, конкретность, демонстрацию единственности имени или действия, а неопределенность выражает отношение

⁹ «The meaning of determinate verbs can thus be defined as expression of motion taking place at a specific moment and therefore in one direction. (...) Verbs of the *ходить* type never express a single progression along a path at a given moment» [Forsyth 1970: 320–321].

¹⁰ «Конкретно-процессное значение» в терминологии А. В. Бондарко.

имени или действия к классу им подобных [ЛЭС 1990: 349; Черткова 1996: 88]. Реализация определенности / неопределенности в высказывании сопряжена с синтагматическим взаимодействием различных категорий: пространственной и временной локализованностью, актуализацией, субъектно-предикатно-объектными отношениями, а именно с категорией единичности / множественности. В зависимости от влияния этих элементов нужно говорить о разных степенях определенности или неопределенности. Мы представим взаимодействие этих категорий в общих чертах.

Определенные глаголы в их самом типичном употреблении выражают направленные в пространстве и локализованные во времени действия, а в менее типичном употреблении — нелокализованные во времени действия (направленность в пространстве сохраняется, так как она входит в лексическое значение определенных глаголов). В первом случае определенные глаголы могут выражать конкретные единичные события (*По двору бежит собака*) или конкретные события, повторяемые в определенной последовательности (*Со временем эта церемония вошла в привычку, мы шли [...] в кафе, угощал я* (Д. Гранин)); пример из [Гловинская 2001: 15]). Нелокализованное во времени действие определенных глаголов имеет значение обобщенного действия, представленного как образцовое (*Мужчина должен идти слева от женщины*). В том случае, когда определенные глаголы выражают повторяющееся действие или действие, нелокализованное во времени, создается конкуренция по отношению к неопределенным глаголам. Об этой конкуренции мы будем говорить ниже.

Направленность определенных глаголов состоит в том, что они всегда выражают **однонаправленность**, т. е. линейное движение вперед, продвижение. **Временная локализованность** определенных глаголов проявляется в том, что действие привязано к определенному конкретному моменту или временному отрезку, предполагающему начало и конец действия. Можно сказать, что продвижение «вставлено» в пространственно-временную рамку. Такой тип временной локализованности мы будем называть **конкретной локализованностью**. Под конкретным моментом, по отношению к которому фиксируется действие, может пониматься момент речи, другое действие или конкретный временной отрезок, выраженный, например, наречием (*долго, целый день*). Элементы, по отношению к которым фиксируется действие, не исключают друг друга, а могут сосуществовать. Другим важным элементом пространственно-временной локализованности определенных глаголов является позиция наблюдателя по отношению ко времени действия. Определенные глаголы, выражающие конкретное действие, характеризуются **синхронным временем наблюдения**¹¹, т. е. совпадением момента действия и момента наблюдения. Понятие момента наблюдения требует некоторых уточнений. Во-первых, оно должно связываться с режимом интерпретации. «В речевом режиме интерпретации (например, в диалоге) роль Наблюдателя выполняет говорящий, в нарративном — повествователь, а в синтаксическом, т. е. в составе подчиненного предложения, — субъект главного» [Падучева 2001: 135]. А во-вторых, нужно оговорить протяженность момента наблюдения, который может быть долгим, растянутым на все время действия (как в настоящем времени), или равняться точке (например, в речевом режиме). В настоящем времени действие представляется как совпадающее с моментом речи и происходящее на глазах наблюдателя, т. е. в настоящем времени определенные глаголы имеют актуально-длительное значение (и очень походят на прогрессивные формы английского языка). Одним из актуализаторов конкретного временного отрезка также может служить другое действие, например, в настоящем историческом (*Он встает, идет к окну, долго молча стоит у окна*) или в прошедшем времени (таким образом, можно говорить о том, что определенные глаголы выражают значение относительного, а не абсолютного времени). Если глагол серии *идти* употребляется в сложноподчиненном предложении с придаточным времени, то здесь также действует правило о единстве пространственно-временных рамок,

¹¹ Мы позволили себе смешать термин М. Я. Гловинской «время наблюдения» и термин Е. В. Падучевой «синхронная точка отчета» [Гловинская 2001; Падучева 1996].

следовательно, действия главного и придаточного предложений характеризуются синхронной позицией наблюдателя. Этим и объясняется однозначное толкование примера (8): ‘нас ограбили по дороге в магазин’; тогда как употребление неопределенного глагола в сложно-подчиненном предложении с придаточным времени предполагает единство временного периода, но не обязательно единство пространственных рамок и синхронной позиции наблюдателя, поэтому предложение (8') может быть интерпретировано: ‘нас ограбили по дороге в магазин (или из магазина)’ или же ‘нашу квартиру ограбили, пока мы были в магазине’.

Однонаправленность и конкретная временная локализованность определенных глаголов неразделимы, как две стороны одной медали. Конкретная локализованность отличается от **неконкретной** локализованности. Последняя предполагает привязанность действия к определенному моменту, не «вставляя» его в четко определенные пространственно-временные рамки. К неконкретным локализаторам относятся, например, наречия типа *вчера, на прошлой неделе, 5 июня* и т. д. Показатели разных типов локализованности сопряжены с различными дейктическими элементами и требуют дальнейшей разработки. Такой тип локализованности присущ двунаправленным неопределенным глаголам.

Неопределенные глаголы, не сопровождаемые дополнениями цели или места, не локализованы в пространстве и во времени; поэтому неопределенные глаголы могут, например, беспрепятственно выражать потенциальное и узуальное значения (*Птицы летают, а змеи ползают / Маршрутки редко ходят*).

Определенные глаголы концептуализируют движение как однонаправленное линейное продвижение. Линия продвижения может быть представлена как прямая, кривая или ломаная. Субъект не проходит два раза по одной и той же точке:

- (22) *Ехали по извилистой дороге над Тибром. Из-за поворота им навстречу вылетел грузовик* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005].
- (23) *Он шел прямо по направлению к магазину и вдруг замахал, затрепетал, увидев кого-то и кого-то приветствуя* [Николай Климонтович. Далее – везде (2001)].
- (24) *Как душно и уныло! Бричка бежит, а Егорушка видит все одно и то же — небо, равнину, холмы...* [А. П. Чехов. Степь (1888)]

Неопределенные глаголы без дополнения цели являются ненаправленными; в данном случае подразумевается, что субъект может проходить несколько раз по одной и той же точке:

- (25) *А он все ходил по комнате, и веселая злость захлестывала его все больше и больше* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].
- (26) *Анна спит в холодной пустой постели, и по ней бегают мышь* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый мир», 2002].

Двойной критерий — направленность и временная локализованность — позволяет объяснить употребление определенного и неопределенного глагола в конструкции *идти / ходить по кругу*:

- (27) *Вдруг мгновенно изменилось все. Плясун уже снова шел по кругу, нехотя, ленивой, раскорячистой, небрежной походкой. Но сейчас уже казалось, что нет ничего лучше его сутуловатой фигуры и сердитого лица* [Г. Е. Николаева. Битва в пути (1959)].
- (28) *Шарманка проигрывает все свои песни и единственную плясовую; люди слушают и уходят, подходят новые, толпятся девчонки и мальчишки. Но у девчонок и мальчишек нет денег, они слушают на даровщинку. Старик кончает играть и, сняв с головы шапку, идет по кругу* [Валентина Осеева. Динка (1959)].
- (29) *Северин ходил по кругу, беззвучно шевеля губами. Продолжалось это около часа и закончилось нелепым и жутким образом* [Дмитрий Колодан. Покупатель камней (2007)].

- (30) *И о чем бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках своих была около Григория. Так **ходит по кругу** в чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)].

В примерах (27) и (28) однонаправленное движение фиксируется по отношению к определенному временному отрезку, разворачивается на глазах наблюдателя, круг не замкнут, субъект не проходит два раза по одной и той же точке. В (27) конкретный момент наблюдения подчеркнут: *сейчас казалось*. В (28) речь идет о временной последовательности действий, т. е. действие *идет по кругу* фиксируется не только по отношению к конкретной ситуации, но и по отношению к предшествующему действию. В обоих примерах действие индивидуализировано, представлены конкретные детали, которые не повторяются каждый раз, когда субъект осуществляет действие.

В примере (29) действие разворачивается на глазах наблюдателя, но субъект несколько раз ходит по кругу (*около часа*) и несколько раз проходит по одним и тем же точкам; движение не рассматривается как прогрессивное движение вперед. В (30) речь идет о неактуализированном во времени действии, описывается характеристика субъекта, движение по кругу лошади приравнивается к ее функции.

Также интересно было бы сравнить употребление глаголов *идти* и *ходить* в конструкции *идти / ходить по канату*, где дополнение места *по канату* само по себе выступает как пространственный локализатор. Сравним пример (31) и (32) с примерами (33) и (34):

- (31) *Авантюра **идет по канату** у всех на виду, в туфлях, натертых мелом. Кругом ярусами — до купола — лица: дойдет?.. сорвется? Ах!* [В. Ф. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь (1941–1963)].
- (32) *Направляясь к гостинице, мы прошли мимо еще недостроенной, еще пустой и сорной внутри, белой виллы, на стене которой: опять все те же слоны, расставя чудовищно-младенческие колени, сидели на тумбищах; в эфирных пачках наездница (уже с надрисованными усами) отдыхала на толстом коне; и клоун с томатовым носом **шел по канату**, держа зонтик, изукрашенный все теми же звездами: смутное воспоминание о небесной родине циркачей* [В. В. Набоков. Весна в Фиальте (1936)].
- (33) *А Сашенькиного тренера по акробатике звали Матильда Ивановна. В свои пятьдесят она еще запросто садилась на шпагат, **ходила по канату**, крутила сальто — и с разбега, и даже с места — назад, прогнувшись* [Вацлав Михальский. Весна в Карфагене (2001)].
- (34) *К 8 Марта театр подарил женищинам одноактную постановку гоголевской «Женитьбы». «Женитьба» любима режиссерами со времен театра «Колумб». Там Подколесин **ходил по канату**, а г-на Яичницу выносили на сковороде* [Юлия Бедерова. Парк культуры (1997) // «Столица», 1997.03.04].

В примерах (31) и (32) действие представлено как однонаправленное, привязанное к определенному временному отрезку в прошлом, к тому же, разворачивающееся на глазах наблюдателя. В каждом из этих примеров речь идет об единичном, индивидуализированном действии, что подтверждается контекстом, дающим мельчайшие конкретные детали.

В примере (33) речь идет о характеристике физической формы персонажа, которая представлена среди прочих характеристик. Действие не привязано к определенному моменту времени. В (34) действие представлено как повторяющееся в прошлом. Действие не индивидуализировано, каждый акт хождения по канату похож на предыдущий.

Рассмотрим здесь еще один пример:

- (35) *В местном цирке во время бенефиса укротителя Бояни произошел ужасный случай. Дрессированный лев **ходил по канату**, оступился и упал. Придя от этого в ярость, зверь бросился на укротителя, смял его и стал грызть* [Неизвестный. В России. Телеграммы наших корреспондентов (1908.12.01) // «Русское слово», 1908].

Здесь действие неопределенного глагола локализуется во времени; с одной стороны, с помощью дополнения *во время бенефиса*, а с другой — по отношению к другим действиям (события представлены как последовательные). Неопределенный глагол может быть заменен определенным; разница между ними в направленности: определенный глагол представил бы действие как однонаправленное, т. е. здесь одноактное, а неопределенный глагол указывает на то, что лев оступился и упал не во время первой попытки: он ходил по канату то в одну, то в другую сторону или несколько раз в одну сторону. Этот пример подводит нас к выводу о том, что неопределенные глаголы также могут быть локализованными в пространстве и времени, но их пространственные и временные параметры отличаются от параметров определенных глаголов.

Как мы отмечали выше, понятие однонаправленности не следует смешивать с целенаправленностью — движением к определенной цели, к пункту назначения.

В нарративном режиме пункт назначения не достигнут субъектом. В диалогическом режиме, когда позиция наблюдателя совпадает с позицией говорящего, пункт назначения достигнут, но субъект никогда не выходит из него:

(36) — *Вот это самое шоссе, по которому ты ехал сюда на автобусе, оно ведь всегда могло быть у нас под обстрелом* [С. Н. Сергеев-Ценский. Лаванда (1936)].

(37) *Так ни на чем и не прокатились... — грустно подытожил я. Я так хотел... И ни разу... Ни на чем. Зачем же мы шли сюда, баба?* [Павел Санаев. Похороните меня за плинтусом (1995) // «Октябрь», 1996].

Неопределенные глаголы могут получать пространственную локализованность благодаря дополнениям цели или места. Они также могут получать временную локализованность. Временная локализованность неопределенных глаголов может быть конкретной (*Мать смотрит на малыша, который ползает по полу; Мать смотрела на малыша, который ползал по полу*) и неконкретной (*По воскресеньям они ездят на дачу; В субботу он ездил на дачу*). В случае конкретной локализованности определенные и неопределенные глаголы различаются направленностью: определенные глаголы выражают однонаправленное действие (*Мать смотрит на малыша, который ползет по полу*), а неопределенные глаголы — ненаправленное или разнонаправленное движение. При неконкретной локализованности неопределенные глаголы могут быть двунаправленными, разнонаправленными и ненаправленными.

Резюмируем типы направленности и временной локализованности глаголов движения. **Направленность** (однонаправленность, двунаправленность, разнонаправленность) (+) противопоставляется **ненаправленности** (-). **Временная локализованность** (конкретная, неконкретная) (+) противопоставляется **нелокализованности** во времени (-). Определенные глаголы всегда выражают: 1) однонаправленное действие с конкретной временной локализацией (единичное или повторяющееся в определенной последовательности конкретное событие); 2) однонаправленное «образцовое» действие, нелокализованное во времени. Неопределенные глаголы выражают: 1) ненаправленное неактуализированное во времени действие (*Птицы летают, а рыбы плавают*); 2) ненаправленное с конкретной или неконкретной локализованностью (*Мать смотрит на малыша, который ползает по полу; Эта бездомная собака вчера уже бегала здесь*); 3) двунаправленное (и разнонаправленное) нелокализованное или с неконкретной локализованностью (*Он уже ходит в школу; Он вчера ходил на охоту; На прошлой неделе он ходил по врачам*). Можно заметить, что неопределенные глаголы выражают все типичные значения несовершенного вида (актуально-длительное, общефактическое, многократное, узуальное и потенциальное), а определенные глаголы никогда не могут выражать общефактического значения.

А теперь вернемся к примерам, которые мы представили в начале статьи, и к вопросу о конкуренции определенных и неопределенных глаголов. Употребление определенных / неопределенных глаголов предоставляет три возможности: 1) возможно только употребление определенных глаголов; 2) возможно только употребление неопределенных глаголов;

3) возможно употребление обеих форм. В спорных случаях выбор той или иной формы зависит от степени конкретности действия. Такими спорными случаями являются высказывания с повторяющимися событиями и вневременные действия.

Сравним примеры (1) и (2). В примере (2) речь идет о характеристике, не прикрепленной к конкретному временному отрезку; говорящий, задавая вопрос, не видит в этот момент того, кто «водит собачку на длинной возжке». Определенный глагол был бы возможен, если бы говорящий задавал вопрос в тот момент, когда он видит перед собой, например из окна, того, о ком он спрашивает: — *А что это за тип, который собачку на длинной возжке ведет?*

Высказывание (1) *Азиат (...)* даже и внимания не обращает на того, кто ведет собаку не локализовано в пространстве и времени, здесь речь идет об общей оценке характера азиатских овчарок. Однако из общей внепространственной и вневременной характеристики (*Азиат на человека не бросится*) выделяется отдельный, конкретный аспект: азиат не бросится на того, кто что-то делает в определенный, конкретный момент. Восприятию события как определенного способствует единственное число именной группы (*на того, кто; собаку*); в данном высказывании невозможно заменить определенный глагол на неопределенный: **Азиат внимания не обращает на того, кто водит собаку*. Однако если поставить именную группу во множественное число, то такая трансформация станет возможной: *Азиат внимания не обращает на тех, кто водит собак*.

В примере (4) *Даже как-то неловко ходить с вами рядом, мадам* инфинитив употребляется в узуальном значении. Речь идет об обобщенном обычном повторяющемся действии, не относящемся к моменту речи. Говорящий (Гриша) не имеет в виду конкретный момент, совпадающий с моментом речи (*Когда вышли на улицу*), но все предыдущие моменты, когда он находился рядом с Лялей, о чем свидетельствует дальнейший контекст. *Ходить с вами рядом* может интерпретироваться как бытийный глагол: *быть с вами рядом*. В примере (3) *Мужчина должен идти с левой стороны от женщины* бытийная интерпретация невозможна. Здесь речь идет об особой обобщенности действия, представлении его как образцового. В такого рода высказываниях субъект и объект выражены, как правило, единственным числом. Однако граница между обобщенными образцовыми действиями и обобщенными типичными действиями может быть очень зыбкой. Сравним высказывание *Мужчина должен идти с левой стороны от женщины* с высказыванием *Собака должна идти с левой стороны от хозяина*. На первый взгляд эти высказывания являются идентичными с грамматической точки зрения. Однако замена определенного глагола на неопределенный в первом высказывании проблематична: **Мужчина должен ходить с левой стороны от женщины*, тогда как *Собака должна ходить с левой стороны от хозяина* вполне приемлемо¹². Дело в том, что в первом высказывании речь идет действительно о процессе ходьбы: мужчина идет куда-то с женщиной. А во втором высказывании собака может восприниматься как действительно шагающая рядом с хозяином или просто как находящаяся рядом с хозяином, ср.: *Наверняка многим владельцам собак доводилось слышать о том, что во время прогулки пес должен находиться слева от своего хозяина. / Давайте же выясним, почему собак водят с левой стороны? / В случае с выставочными экземплярами существует еще одно объяснение «левостороннего ориентирования» собаки — удобство демонстрации ее судье* (из интернета).

В примерах (5)–(7) речь идет о многократных действиях. Временная локализованность не исключает многократности. Повторяющееся неопределенное количество раз действие является локализованным во времени, если оно повторяется в определенной последовательности [Булыгина, Шмелев 1997: 132]. Эта последовательность может реализовываться в цепочке определенно-последовательных действий:

- (38) *И так в летнюю пору каждый день два, а то и три раза. Сдав молоко, шла на почту и там сдавала и принимала корреспонденцию коровниковских колхозников* [А. Бердышев. Мои друзья – колхозники (1973), пример из [Fontaine 1983: 93]].

¹² Мы проверили частотность этих возможностей на различных сайтах Яндексa.

Или же, как в примере (7) *Утром обычно иду в школу в тот час, когда все спешат на работу*, определенная последовательность имплицитна. Здесь речь идет о своего рода каждодневном ритуале. К тому же в контексте присутствует конкретный локализатор, привязывающий действие к определенному моменту: *в тот час, когда все спешат на работу*. Речь идет об однонаправленном действии: *иду в школу*. Двуправленное действие здесь исключено, так как временной отрезок слишком короток.

В нарративном режиме возможность использования определенных и неопределенных глаголов для обозначения многократного действия служит средством, с помощью которого варьируется дистанция между рассказчиком и персонажем. Рассмотрим следующий пример, в котором одна и та же ситуация представлена сначала неопределенным, а затем определенным глаголом:

- (39) *Таня ходила в больницу каждый день, помогала Витальке справляться со всеми его нуждами, от мытья до еды. <...> Каждый день, с Викиной хозяйственной сумкой, так и не возвращенной, Таня ехала с Профсоюзной в Склифосовского. Друзья Гольдбергов нанесли кучу денег, и Таня переводила их в разные кулинарные изыски* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый мир», 2002].

Неопределенный глагол *ходить в больницу* представляет двуправленное повторяющееся действие с неконкретной локализованностью. Такой тип локализованности можно назвать **ретроспективной** (*localisation rétrospective*), *ходить* здесь можно заменить на глагол *быть*: *Таня каждый день была в больнице* [Bernitskaia 2017: 51]. Здесь представлена ретроспективная локализация субъекта, а не взгляд на его реальное передвижение (но в данном предложении *ходить* можно заменить на *ездить*). В предложении *Каждый день, с Викиной хозяйственной сумкой* <...> *Таня ехала с Профсоюзной в Склифосовского*, наоборот, фокусируется реальное передвижение, момент наблюдения совпадает с моментом передвижения. Этот прием важен, чтобы подчеркнуть усилия, затраченные Таней, которая каждый раз наполняла «Викину хозяйственную сумку» новыми «кулинарными изысками». Несмотря на повторяемость, здесь важна идентификация действия, поэтому эксплицитно обозначено, что Таня использовала транспорт (в этом предложении замена *ездить* на *ходить* невозможна).

Заключение

В нашей работе мы постарались показать, что вопрос о грамматической оппозиции глаголов движения должен получить новое освещение. Исследования, целенаправленно изучающие грамматическую оппозицию *идти / ходить*, были предприняты до 1990-х гг. Как правило, эти работы стремились свести оппозицию *идти / ходить* к одному критерию: направленности (Исаченко) или актуальности (Фонтен). Если же выдвигался двойной пространственно-временной критерий (Карцевский, Форсайт, Фут), то подход оставался грамматическим в узком понимании этого слова, т. е. не учитывающим связи грамматики с семантикой и прагматикой. Между тем, на наш взгляд, оппозиция определенных / неопределенных глаголов намного сложнее, чем формальное грамматическое противопоставление по одному или нескольким критериям. Исследования же более позднего периода, принимающие во внимание пространственные и временные характеристики предиката и его комплексные связи с остальными конститuentами предложения и с действительностью, рассматривали глаголы движения лишь спорадически (Булыгина, Бондарко, Падучева).

Предложенная нами модель описания глаголов движения не претендует на завершенность. Многие наблюдения требуют дальнейшей разработки. Заметим, например, что наш анализ базируется в основном на самых типичных глаголах движения, однако совсем не очевидно, что все пары, входящие в данную грамматическую систему, функционируют точно

по схеме *идти / ходить, ехать / ездить*. Пример *брести / бродить* наводит на мысль, что и другие глагольные пары могут обнаруживать различные тенденции, частично выводящие их за рамки общей системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко 1987 — Бондарко А. В. Временная локализованность // Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210–233. [Bondarko A. V. Temporal localization. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis*. Bondarko A. V. (ed.). Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 210–233.]
- Бондарко 2002 — Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. [Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funktsional'noi grammatiki (na materiale russkogo yazyka)* [The theory of meaning in the system of functional grammar (case study of Russian)]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Бородич 1953 — Бородич В. В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 68–86. [Borodich V. V. Towards formation of perfective and imperfective aspect in Slavic languages. *Voprosy Jazykoznanija*. 1953. No. 6. Pp. 68–86.]
- Бородич 1954 — Бородич В. В. К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. 1954. Т. 9. С. 50–138. [Borodich V. V. More on aspectual relations of the Old Slavonic verb. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. 1954. Vol. 9. Pp. 50–138.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (in terms of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- ВГВ 1962 — Маслов Ю. С. (ред.). Вопросы глагольного вида. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962. [*Voprosy glagol'nogo vida*. Maslov Yu. S. (ed.). Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1962.]
- Гловинская 2001 — Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, 2001. [Glovinskaya M. Ya. *Mnogoznachnost' i sinonimiya v vido-vremennoi sisteme russkogo glagola* [Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of the Russian verb]. Moscow: Azbukovnik, 2001.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Зализняк Анна А. и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Исаченко 1960/2003 — Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Т. I–II. М.: Языки славянской культуры. 2003. (Часть вторая. Братислава, 1960) [Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya* [Grammatical system of Russian versus Slovak. Morphology]. Vol. I–II. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury. 2003. (Part 2. Bratislava, 1960).]
- Козинцева 1991 — Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука, 1991. [Kozintseva N. A. *Vremennaya lokalizovannost' deistviya i ee svyazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znacheniyami* [Temporal localization of action and its relations with aspectual, modal and taxis meanings]. Leningrad: Nauka, 1991.]
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [*Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopaedical dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii*

- konstruktiv s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological study]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Майсак, Рахилина 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Глаголы движения и нахождения в воде: лексические системы и семантические параметры // Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 27–75. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. Verbs of aquamotion: Lexical systems and semantic parameters. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007. Pp. 27–75.]
- Маслов 1959/2004 — Маслов Ю. С. Возникновение категории совершенного / несовершенного вида // Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 131–140. [Maslov Yu. S. The origin of the category of perfective / imperfective aspect. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004. Pp. 131–140.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected writings. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2001 — Падучева Е. В. Наблюдатель в системе диатез глагола восприятия // Гиро-Вебер М., Шатуновский И. Б. (ред.). Русский язык: пересекая границы. Дубна: Межд. ун-т «Дубна», 2001. С. 135–153. [Paducheva E. V. The observer in the diathesis system of the verb of perception. *Russkii yazyk: peresekaya granitsy*. Guiraud-Weber M., Shatunovskii I. B. (eds.). Dubna: Mezhdunarodnyi universitet «Dubna», 2001. Pp. 135–153.]
- Рахилина 2000/2010 — Рахилина Е. В. В зеркале глаголов: покой и движение // Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000; Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 312–321. [Rakhilina E. V. In the mirror of verbs: rest and motion. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'*. Rakhilina E. V. Moscow: Russkie Slovari, 2000; 2nd ed., revised and enlarged: Moscow: Azbukovnik Publ., 2010. Pp. 312–321.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]: In 2 vol. Vol. I. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Черткова 1996 — Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1996. [Chertkova M. Yu. *Grammaticheskaya kategoriya vida v sovremennom russkom yazyke* [The grammatical category of aspect in Modern Russian]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1996.]
- Шахматов 1925/2001 — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001 (Л.: Российская государственная академическая типография, 1925). [Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS, 2001 (Leningrad: Rossiiskaya Gosudarstvennaya Akademicheskaya Tipografiya, 1925).]
- Beliakov 2012 — Beliaikov V. La sémantique verbale: Le cas des verbes de mouvement et de position. *Slavica Occitania*. Vol. 34. Toulouse: Université de Toulouse, 2012. Pp. 157–169.
- Bernitskaïa 2017 — Bernitskaïa N. Винни Пух ходил в гости к Пятачку. Вернулся ли он домой? Problème de l'aller-retour. [Winnie the Pooh went to visit Piglet. Did he come home? Problème de l'aller-retour.] *Contribution aux études morphologiques, syntaxiques et sémantiques en russe*. Beliaikov V., Bracquenier C. (dir.). Toulouse: Presses universitaires du Midi, 2017. Pp. 43–56.
- Biktchourina-Rochut 2017 — Biktchourina-Rochut A. Les verbes *gnat' / gonjat'*: sémantique, catégorie grammaticale, dérivation et phraséologie. Thèse de doctorat. Lyon: Université Jean Moulin Lyon 3, 2017. (Ms.)
- Fontaine 1973 — Fontaine J. Sur la nature de l'opposition dans la catégorie dite des verbes de mouvement en russe contemporain. *Revue des études slaves*. 1973. T. 49: Communications de la délégation française au VIIe Congrès International des slavistes (Varsovie, 21–27 août, 1973). Pp. 147–158.
- Fontaine 1983 — Fontaine J. *Grammaire du texte et aspect du verbe en russe contemporain*. Paris: Institut d'Études Slaves, 1983. Pp. 69–113.
- Foot 1967 — Foot I. P. Verbs of motion. *Studies in the Modern Russian Language*. London: Cambridge Univ. Press, 1967. Pp. 4–33.

- Forsyth 1963 — Forsyth J. The Russian verbs of motion. *Modern Languages*. 1963. Vol. XLIV. No. 4. Pp. 147–152.
- Forsyth 1970 — Forsyth J. *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970.
- Garde 1965 — Garde P. Verbes déterminés et verbes itératifs dans les langues slaves. *Slavia*. 1965. Vol. XXXIV. Pp. 176–189.
- Gardelli 2007 — Gardelli E. *Andata e ritorno. Breve viaggio cognitivo attraverso la semantica dei verbi di movimento del russo*. Dottorato di ricerca in linguistica e linguistica italiana, XIX ciclo, 21 slavistica. Firenze: Università degli studi di Firenze, 2007.
- Israeli 2002 — Israeli A. Russian verbs of motion: focus, deixis and view point. *Cahier Chronos*. 2002. Vol. 10. Pp. 97–118.
- Karcevski 1927/2004 — Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Nouvelle édition enrichie d'inédits, commentée et préfacée par I. Fougeron, J. Breuillard et G. Fougeron. Paris: Institut d'Études Slaves, 2004. (Karcevski S. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*. Prague: Legiografie, 1927.)
- Meillet 1902 — Meillet A. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. T. I. Paris: Bouillon, 1902.
- NATSVOM 2010 — *New approaches to Slavic verbs of motion*. Hasko V., Perelmutter R. (eds.). (Studies in Language Companion Series, 115.) 2010.
- Regnéll 1944 — Regnéll C. G. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Lund: Harlan Ohlsons, 1944.
- van Wijk 1929 — van Wijk N. Sur l'origine des aspects du verbe slave. *Revue des études slaves*. 1929. T. 9. Fascicule 3–4. Pp. 237–252.
- Veyrenc 1980 — Veyrenc J. Russe *idti* et *xodit'*: mouvement de déplacement et mouvement de fonction. Veyrenc J. *Études sur le verbe russe*. Paris: Institut d'Études Slaves, 1980. Pp. 180–200.
- Zaliznyak 2017 — Zaliznyak Anna A. Russian prefixed verbs of motion revisited. *Zeitschrift für Slawistik*. 2017. Vol. 62. No. 1. S. 1–22.

Получено/received 01.05.2018

Принято/accepted 14.06.2018